

О психологической привлекательности тоталитаризма¹

Аннотация. Автор статьи – классик детской психотерапии XX в., прошедший сквозь ад фашистских лагерей – обсуждает психологические проблемы, неизбежно возникающие у граждан тоталитарных государств. Он считает, что привлекательность тоталитаризма заключается в его обещании согласия с окружающим, разрешающего самые суровые внутренние конфликты мира с собою и дающего чувство собственной безопасности. Автор раскрывает психологический смысл нацистского приветствия. На конкретных примерах взаимоотношений внутри семей во времена нацистской Германии он показывает, что для противников режима эти согласие и мир достигаются лишь утратой самостоятельности, самоуважения и человеческого достоинства. Практически каждый сегодняшний неконформист стоит перед выбором: или выказать себя врагом этой власти, подвергшись преследованиям и чаще всего уничтожению, или исповедовать на людях то, что глубоко ненавидишь и презираешь втайне. Царящее в тоталитарных государствах спокойствие оплачено гибелью души.

Ключевые слова: привлекательность тоталитаризма, тоталитарный режим, нацистская Германия, нацистское приветствие, внутренний конфликт личности, целостность личности, самоуважение, образы сверх-Я.

Прежний деспотический правитель либо не требовал от подданных добровольного согласия, т.е. внутреннего одобрения своих взглядов и методов, либо не имел возможности подкрепить подобные требования силой. Предполагалось, что тирану подчиняются все; но, поскольку это было так, он уже, как правило, не слишком заботился о том, что про него думают подданные, лишь бы они держали свои мысли при себе, – и не в последнюю очередь потому, что не мог обнаружить, о чем они, собственно, думают.

В тоталитарных государствах нашего времени средства массовой коммуникации обладают почти неограниченными возможностями воздействовать на мысли каждого. Сегодняшняя технология обеспечивает наблюдение за любым шагом частного лица. Это и многое другое позволяет тоталитарной диктатуре утверждать, что подданные свободны в своих мыслях – а нынешняя технология

и массовое общество с неизбежностью требуют этого во многих областях приложения человеческих сил, – и тем не менее добиваться, чтобы подданные придерживались убеждений, которые им считает нужным внушить государство. Так что при диктатурах прошлого можно было существовать внутри системы и поддерживать известную независимость мыслей, а нередко и определенных действий, сохраняя уважение к себе, тогда как в современном тоталитарном государстве сохранять это самоуважение и вместе с тем жить во внутреннем противодействии системе невозможно. Практически каждый сегодняшний неконформист стоит перед выбором: или выказать себя врагом этой власти, подвергшись преследованиям и чаще всего уничтожению, или исповедовать на людях то, что глубоко ненавидишь и презираешь втайне.

Нацистское приветствие ввели именно для того, чтобы, сталкиваясь друг с другом в местах публичных и частных встреч: в ресторанах, вагонах железной

об авторе

Б. Беттельгейм (1903–1991) – классик детской психотерапии XX в.

¹ Публикуемая статья увидела свет в «Американском журнале экономики и социологии» в 1952 г. Перевод сделан Б. Дубиным по книге «Выживание и другие эссе» (1979). На русском языке появилась впервые в журнале «Знание–сила» (1997. № 8. С. 103–110). (Публикуется в сокращении).

дороги, конторах, на заводах или просто на улицах, – без труда опознавать тех, кто все еще цепляется за устаревшие «демократические» формы приветствия друзей. Для приверженцев Гитлера ежедневно и многократно повторяемое приветствие служило выражением уверенности в себе, свидетельством господства. Всякий раз, как законопослушный субъект его повторял, его «я» укреплялось. Для противников режима – совсем наоборот. Встречая кого-то в публичном месте, неконформист всякий раз переживал состояние, разрушавшее его «я» и ослаблявшее целостность личности. Если бы приветствию сопротивлялось лишь его сверх-Я, ему было бы легче, но приветствие раскалывало надвое именно его «я», задача которого, согласно психоаналитической теории, – обеспечивать внутреннее и внешнее благополучие индивида, и прежде всего – его выживание, служа посредником между внешним и внутренним миром и приводя их в соответствие друг другу.

Оставалось одно: убедить себя, что приветствие как бы не в счет, поскольку по нормам окружающей реальности приходится на него отзываться, если не хочешь попасть в гестапо. Целостность личности определяется соответствием ее поступков убеждениям. Поэтому сохранить целостность, отдавая приветствие, можно было только перестав считать подобное приветствие недопустимым.

А это еще больше закабалало, поскольку приветствовать надо было по многу раз в день, и не только официальных лиц – скажем, учителя, полицейского, почтальона, но и ближайших друзей. Даже зная, что друг с тобой заодно – а полагаться на друзей можно было далеко не всегда, – приходилось учитывать других. Стоило ли осложнять положение случайно встреченного человека, отступая от нормы? Поскольку обо всех отклонениях в приветствии требовалось неукоснительно сообщать властям, нарушитель ставил под удар не только себя, но и другого. Так противника нацизма вынуждали или становиться мучеником, испытывая тем самым смелость и убежденность других, или терять уважение к себе.

Если сознание в конфликте с бессознательным, это немедленно скажется на содержании снов. Типичный случай – сон одного свидетеля первых лет фашизма:

он решается открыто выразить свой протест против нацистского режима. Повинуясь тому, что сознание считает его моральным долгом, он принимается во сне за протестующее письмо. Но, отправив его по почте, понимает, что послал в заботливо запечатанном конверте чистый листок бумаги. Дело здесь не только в том, что герой совершает типичную ошибку «по Фрейду» и справедливая тревога за себя заставляет его поступить наперекор сознательным намерениям; во сне ему открывается, что эта тревога – скажем иначе, самозащита – рано или поздно победит его убеждения. Человек даже во сне понимает, к каким разрушительным для его самоуважения последствиям ведут подобные внутренние конфликты и способы, которыми реальность принуждает их так или иначе разрешать. Сначала он чувствовал себя очень гордым, решившись-таки выразить протест, а потом – глубоко пристыженным, не сделав этого. В конце концов, сон оставил в нем чувство униженности и стыда за себя.

Душевный конфликт в связи с гитлеровским приветствием переживали многие немцы. Это находило бессознательное выражение в снах, один из которых я здесь приведу. Вскоре после прихода Гитлера к власти некий фабрикант увидел во сне, что его предприятие посещает Геббельс. «Перед строем рабочих я должен был вскинуть руку в нацистском приветствии. Мне понадобилось полчаса, чтобы поднять ее сантиметр за сантиметром... И вот я стоял на собственной фабрике, с поднятой рукой, торча перед своими рабочими. И стоял так, пока не проснулся».

Этот в корне не принимавший нацизма человек решал во сне ту же проблему, которая занимала и его сознание: должен – и сможет ли – он поступиться своими убеждениями ради того, чтобы сохранить за собой фабрику? (В первые годы гитлеровского режима отказ от фашистского приветствия еще не угрожал жизни, касаясь лишь благосостояния.) Сон предсказывал, каким скорее всего будет итог, воспринятый, однако, с глубочайшим отвращением. По словам героя, борьба во сне за то, чтобы поднять руку, «переломила ему позвоночник». Позвоночный столб – обычная метафора твердых убеждений и действий

в согласии с ними. Сон приоткрыл сновидцу то, что он знал, но таил от себя: только он сам может перебить себе моральный хребет, никакому режиму это не под силу. Не Геббельс заставил его поднять руку в приветствии – он сам принудил себя это сделать, чтобы не выдать своих разногласий с системой. Факт, что режим способен заставить людей делать такое с самими собой, показывает, до каких разрушительных последствий доводит его воздействие.

Сны активно сражавшихся с системой и потому не осаждаемых внутренними вопросами, решаться на это или нет, были совсем иными. Не то чтобы эти люди вовсе не ведали тревог: им, скажем, снилось, что их поймали и пытают гестаповцы, – опасность вполне реальная. А в другой раз им могло присниться, что они победили. Так или иначе, им не снилось, что они вынуждены, переламаывая собственные убеждения, подчиниться врагу.

Сказанное о фашистском приветствии относится, конечно, и к другим повседневным чертам нацистского режима. Приведу еще один пример из жизни школьницы. Однажды ей с одноклассницами предложили участвовать в переписи населения. Уклониться значило опять-таки рисковать своим и семейным благополучием, при том что внешне предложение выглядело вполне безобидным. Но, уже участвуя в переписи, девочка вдруг почувствовала, как что-то в ней сопротивляется заданию – спросить о подробностях существования одной еврейской семьи. Она поняла, что собеседники ненавидят ее как представительницу режима, и это вызвало в ней озлобление – озлобление против них. Тут она догадалась, что именно этого и добивался от нее режим, и оценила его способность вызывать чувства наперекор воле. Это пробудило в ней презрение к себе. Теперь она ненавидела себя за участие в программе, направленной под видом переписи – против евреев. Конечно, она ненавидела режим, который вверг ее в это безвыходное положение, но еще больше – себя. Это окончательно разрушало в ней остатки самоуважения.

Так тоталитарный режим почти ежедневно ставил человека перед требованиями, которые он должен был либо

исполнять, либо рисковать собственной гибелью. Многие противники системы, подчиняясь подобным требованиям, начинали ненавидеть и ее, и самих себя. Вскоре это ввергало их в тяжелейший внутренний конфликт: действовать ли по убеждениям и рисковать, либо остаться в безопасности, но чувствовать, что трусишь и предаешь самое дорогое. Режим, нимало не трогаясь их ненавистью, продолжал себе существовать, тогда как они по-настоящему мучились невозможностью примирить явное поведение и скрытые ценности; тем самым режим оказывался разрушительным для их целостности, а также – поскольку они поступали вопреки убеждениям – и для их уважения к себе. И самоуважение, и целостность личности – это, подчеркну, единственные психологические подпорки, которые способны поддерживать нас, давая силу жить в мире, постоянно угрожающем уничтожением.

Чаще всего противник системы не находил избавления даже внутри собственной семьи. Семьи, целиком состоящие из антифашистов, были крайне редки. Особенно чувствительными к внушению – в школе, в юношеских гитлеровских организациях – оказывались дети. Их убеждали следить за родителями и сообщать властям. Подчинялись немногие. Но дети тех, кто держался антифашистских взглядов, попадали в трудный конфликт между приверженностью родителям и обязанностями по отношению к государству, которое учило их, что выдать изменника – долг каждого. Подобные конфликты мучили ребенка, и он начинал ненавидеть всех, кто вверг его в такие психологические тупики.

Рано или поздно ребенок озлоблялся против политических убеждений родителей, если не против них самих, ведь именно они создавали для него все эти проблемы. С другой стороны, и родители, понимая давление, оказываемое на их ребенка, старались скрывать свои подлинные взгляды, не то чтобы опасаясь предательства, но не желая осложнять жизнь ребенку. Поэтому даже дома и в кругу семьи невозможно было избавиться от лицемерия: оно сопровождало и в четырех стенах, в самых задушевных проявлениях семейной жизни.

Лишь убежденные нацисты были согласны друг с другом во всем, и это еще

тесней сплачивало семьи приверженцев режима. Противникам же приходилось, напротив, сражаться не только с самой системой, но куда чаще – друг с другом, и если не по принципиальным вопросам, то хотя бы по обиходным мелочам. Всегда оставалась одна беспокоящая проблема: как сопротивляться, не подвергая опасности всю семью, и мучительный вопрос, имеет ли человек право рисковать свободой, благополучием и самим существованием партнера или ребенка ради собственных политических и моральных убеждений.

В подобных политических разногласиях внутри семьи рано или поздно выносились на поверхность и получали запоздалое оправдание все прежние семейные конфликты, которые сами по себе не имели с политикой ничего общего: раздоры между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами. Вот лишь один пример.

Жена некоего высокопоставленного правительственного чиновника придерживалась непримиримых антифашистских взглядов. Ее муж, неплохой в общем человек, не принимал многое из того, с чем по положению был вынужден мириться. Обеспеченная супруга могла не работать и не работала, а потому имела возможность уклониться и от неприятного ей гитлеровского приветствия, и от тех либо иных из бесчисленных официальных и партийных обязанностей (они практически не различались), которые, соответствуя требованиям системы, приходилось выполнять ее мужу.

Разумеется, никто в семье не хотел, чтобы глава семейства поступил своим положением и тем самым вверг родных в крайнюю нищету. А заподозри государство, что у него все эти годы было на уме, семья подверглась бы публичному остракизму, кто-то, вероятно, и открытым преследованиям. Пользуясь удобствами, которые давало ей и всей семье внешнее сотрудничество мужа с нацистами (включая возможность не появляться на улице и не отдавать приветствие, а потому и не входить в конфликт с собственными ценностями), супруга резко критиковала мужа за то, что он изменяет своим убеждениям. Спор подпитывался и обострялся старыми разногласиями между супругами, давно уже избегавшими друг друга.

Обида на жену, которая его критикует и стыдит, постепенно отвращала отца семейства и от ее антифашистских взглядов. Страх, что они обнаружатся и подвергнут опасности всех, давал дополнительный повод раздражаться на жену, чьи убеждения и поступки замыкают семейство в изоляции, еще больше осложняя официальное общение героя с сослуживцами. Поскольку дома на него, ради сохранения статуса попросту следовавшего официальной политике, смотрели свысока, тогда как вне дома его внешнюю приверженность системе, напротив, горячо одобряли, у главы семейства постепенно, но неуклонно исчезали те мысленные увертки по поводу режима, которые так отяжеляли ему служебную и домашнюю жизнь. В итоге наш герой, как ни трудно это было, примирился с режимом. Тем самым он проявил наконец приверженность собственным ценностям, как жена – своим, т.е. как бы сделал то, чего она от него столько времени требовала. И теперь он уже не чувствовал себя ниже ее, жившей все эти годы в согласии со своими ценностями; больше того, он даже мог испытывать моральное превосходство над нею, как прежде она над ним: ведь, отвергая его политические взгляды, она, тем не менее, не отказывалась пользоваться тем, что ему эти взгляды давали.

Дети разделились между матерью и отцом. Сыновья давно приняли нацизм, поэтому после обращения отец, презираемый женой и дочерью, стал пользоваться полной поддержкой мужской половины; теперь он был уже не так одинок. Сыновья не поддерживали взглядов матери, но и не придавали им особого значения, считая ее несовременной, непрощенной и старомодной особой. Дочь же целиком встала на сторону матери и, как она поняла позднее, не столько по несогласию с отцом, сколько из соперничества с братьями; кроме того, ценности матери казались ей очень привлекательными, а последовательность в их отстаивании не могла не впечатлить девочку.

Став старше, дочь поняла, что политические разногласия родителей ушли корнями в их давнюю семейную размолвку. Раздор между близкими был для дочери очень болезнен, она хотела, чтобы в доме царил мир. В ней нарастало озлобление против политики,

а политические взгляды все больше представлялись простым оружием в борьбе одного человека с другим, ведь политика лишила ее семейной жизни, в которой она так нуждалась. Но поскольку все, относящееся к политике, казалось ей в равной мере отвратительным, она теряла и свои антифашистские – или продемократические – убеждения.

В конце концов дочь хотела одного: чтобы семья снова сплотилась и родители жили дружно. В отрочестве она поняла, что взгляды ее матери объединить семью не сумеют; из-за них отцу придется лишиться работы, а она и братья не смогут поступить в университет. Она все еще восхищалась матерью, верной своим убеждениям, но вместе с тем и ненавидела ее, разрушившую единство семьи. Это ввергало девочку в глубокий внутренний конфликт, у истоков которого лежал конфликт между родителями.

Дочь росла, росли и ее способности оценить ситуацию трезво. Она увидела, что мать порвала все связи с миром, оставшись – ради верности своим убеждениям – совершенно одинокой даже в собственном доме. Девочка чувствовала, как ей все труднее расходиться во взглядах со сверстниками, и в конце концов признала нацизм. Отвергнув все, что отстаивала мать, дочь освободилась от внутреннего конфликта между восхищением смелостью матери и обидой на нее за раскол семьи. Перелом освободил ее и от конфликта между собственными ценностями и требованиями общества. Она впервые чувствовала глубокое душевное успокоение, однако приписывала эту новую способность наслаждаться жизнью не разрешению застарелого внутреннего конфликта, а более позитивному взгляду на мир, который внушил ей воспринятый нацизм, что еще раз говорило в его пользу.

Как видим, на самом грубом, внешнем уровне привлекательность тоталитаризма в том, что, примиряясь с ним, достигая согласия с ближними и остальным миром, переставая тем самым быть чужаком. На более глубоком – или высоком – уровне тоталитаризм притягателен тем, что восстанавливает внутреннюю целостность человека, подвергающуюся опасности, когда он вынужден поступать вопреки собственным чувствам. На некоторых людей потребность в разрешении

этого противоречия давила так сильно, что они шли на самоубийство. Другие попадали в руки гестапо как бы из-за случайной небрежности, подсознательно мотивированной желанием покончить с этим противоречием, даже если придется отправиться в концлагерь. Но подавляющее большинство прежних антифашистов сложили оружие и встали на сторону режима. Не присоединяясь к партии и не разделяя до конца ее ценности, они стали видеть в режиме некие светлые стороны, хоть и сохранили критическое отношение к некоторым аспектам системы.

Фашистское приветствие – столь мало-значительная, но оказывающая такое воздействие на людей деталь системы – касалось лишь внешнего поведения, как и настенная карикатура на Гитлера или, скажем, в других обстоятельствах – на Сталина. Они приобретали чудовищную важность лишь потому, что всякий день и час сознательной жизни напоминали нонконформисту о его неспособности жить в согласии со своими ценностями. При всей психологической грубости подобных механизмов вряд ли кто станет отрицать их высочайшую эффективность.

Были нити и потоньше. Столь мощная сила контроля извне возобновляла в человеке детские взгляды и чувства. Только в детстве другие люди – родители – обладают подобным могуществом ввергать нас в безнадежные внутренние конфликты, если наши желания расходятся с их собственными. Вначале ребенок, как и нонконформист, противится контролирующей его силе. Но она столь же велика, сколь и притягательна (в конце концов, ничто так не удается, как успех!), и чем господство над ребенком успешнее, тем большей привлекательностью оно обладает, в конце концов усваиваясь в качестве сверх-Я.

Стоит на минуту задуматься о системе воспитания в стране перед приходом Гитлера к власти, о системе, в которой ребенка всюду видят, но никогда не слышат, и мы легко поймем особую притягательность гитлеровского режима для немецкого юношества. Почти в любом обществе дети страдают от принудительного воздействия взрослых. Тоталитарная система делает юношей и девушек свободными, убеждая их

высказываться во весь голос, следить за родителями и сообщать, если они не повинуются законам системы.

Не забудем, что тоталитарные системы обычно возникали в обществах с жесткой иерархической организацией – если и не собственно феодальных, то по крайней мере патерналистских. Глава государства, органы исполнительной власти (скажем, полиция), армия, учителя выступали мощной заменой родительского образа или, точнее, суррогатом сверх-Я. Суррогатами сверх-Я служили представители власти, которые психологически отождествлялись с родителями и повеления которых воспринимались поэтому как усвоенные родительские приказы.

Нередко даже в концлагере вера во власть и справедливость полиции была настолько сильна, что заключенные не хотели признавать несправедливость своего наказания. Они заставляли себя найти хоть какую-то собственную вину. Внутреннее желание опеки со стороны сверх-Я очень велико, и чем слабее «я», тем это желание сильнее. Поскольку же в тоталитарных системах самыми могущественными заместителями сверх-Я служат вожди и их представители, короче говоря – система как таковая, добиться одобрения можно, только отождествившись с системой. Подчиняясь приказу извне, чувствуешь себя свободным от вины, а потому – в безопасности.

Таить и постоянно чувствовать в себе сверх-Я с его критикой общества, в котором вынужден жить, крайне болезненно. В целом это возможно, только если тебе

доступны и другие, альтернативные образы сверх-Я. Американцам нелегко понять наши трудности: они растут в свободном обществе, где их окружают различные образы сверх-Я, из которых можно выбирать. Есть, например, пуританин и приверженец свободы воли, мужчина в сером сюртуке или ковбой, а также много других. Но в гитлеровской Германии все образы сверх-Я сводились к одному, и было чрезвычайно трудно сформировать или поддерживать глубоко личный образец, расходясь с окружающим обществом.

В тоталитарных государствах противники режима живут в постоянном страхе совершить ошибку – раскрыть свои подлинные чувства, поставив на карту жизнь – свою, а то и своей семьи. Поэтому им приходится быть безукоризненными актерами. Но для этого надо прочувствовать роль, сжиться с ней. Лишь превратившись в послушного члена тоталитарного государства, человек может быть спокоен, что его не заподозрят в невыполнении какого бы то ни было приказа.

Привлекательность тоталитаризма – в его обещании разрешающего самые суровые внутренние конфликты мира с собою и дающего чувство собственной безопасности согласия с окружающим. К несчастью для противника режима, эти согласие и мир достигаются лишь утратой самостоятельности, самоуважения и человеческого достоинства. Царящее в тоталитарных государствах спокойствие оплачено гибелью души.

Перевел с английского Б. Дубин.

Сентябрь 1997